

Дискурсивные штреки и квершлаги Бурибая: социология слухов

Слухи — это один из наиболее точных, надежных и одновременно безопасных индикаторов социальной напряженности. Выявляя и фиксируя слухи можно увидеть сломы в социальной структуре сообщества, углубиться в местные реалии. В статье представлены фрагменты дневниковых записей, составленных по результатам этнографической экспедиции в шахтерский поселок Южного Урала, Бурибай, показаны особенности распространения слухов и очерчено базовое дискурсивное ядро слухов, приведены две основные оси: слухи по отношению к начальству и бытовых ситуациях, казусах, недоразумениях.

В малых городах и сёлах, где население проживает компактно, социальные отношения плотные, а все люди на виду, особое место в коммуникативном порядке занимают слухи. «На одном конце деревни чихнул, на другом «будь здоров» сказали», — есть поговорки поглубже, но все они выражают общее мнение о публичности любого частного действия. Однако трансфер интимного в публичное происходит благодаря череде трансформаций действительности, движущей силой которых выступают слухи и домыслы. Многократно пересказанные, дополненные красочными сюжетами, они с каждой новой итерацией всё дальше отходят по содержанию от первоначального события или персонажа, конструируя особый публичный дискурс. Отнюдь не случайно наибольший интерес после социальных психологов [Anthony, 1973; Кнапп, 1944; Koeing, 1985; Rosnow, 1986, 1988, 1991; Горбатов, 2010, 2012, 2014; Горбатов, Большаков, 2015; Караяни, 2003; Щенников, Бутина, 2008] к изучению слухов проявляют исследователи общественного мнения [Buckner, 1965; Dodd, 1952, 1958; Karferer, 1989, 1990]. Слухи наполняют общественное сознание (по Грушину), образуют основу для формирования социальных мнений. Они становятся своего рода транзитными элементами, связывающими сферу частного и публичного, интимного и социального.

Крепя отношения, создавая почву для разговоров и взаимного интереса, слухи снижают социальную напряженность, вводя в режим речи иронию и насмешку, компенсируют конфликтность подчас предельно антагонистических отношений. Поэтому социология слухов вкупе с сетевым анализом позволяет точно и надежно описать социальный порядок, поддерживающий жизнь малого сообщества, обнажить проблемы и противоречия, не позволяющие сельчанам кооперироваться в разрешении текущих трудностей.

Слухи — это один из наиболее точных, надёжных и одновременно безопасных индикаторов социальной напряженности. Г. Олпорт и Л. Постман, тестируя особенности восприятия и распространения слухов в общественном сознании, обнаружили, что основным мотивом последних выступает страх и агрессия; позитивные слухи редки и маргинальны [Allport, Postman, 1947]. К аналогичным выводам пришёл ученик Олпорта, Роберт Кнапп. Собрав около одной тысячи американских слухов начала Второй мировой войны, он разделил их на три группы: позитивные фантазии, страхи и агрессивные высказывания. Лишь менее 4% слухов описывали мир в позитивном ключе [Кнапп, 1944]. Абсорбируя негативные эмоции и ожидания, слухи позволяют собеседникам сопереживать определенное чувство солидарности, построенной на негативных настроениях.

Наше общество переполнено слухами. От спален до залов официальных приёмов они воздействуют на наши убеждения и поступки и формируют наши взгляды на мир. В организационном или политическом контексте слухи могут оказаться особо проблематичными и потенциально опас-

Ключевые слова: публичная сфера, социальная напряженность, социология повседневности, страхи, управление слухами, этнография обыденного знания

Дмитрий Rogozin

заведующий лабораторией методологии федеративных исследований
Института социального анализа и прогнозирования
РАНХиГС при Президенте РФ

ными для репутации частной компании, политической партии или отдельного политика. Слухи пропитаны негативной информацией. Во время организационных преобразований слухи об увольнениях, закрытиях или слияниях бизнес единиц могут приводить к росту недоверия и падению общей морали [Einwiller, Kamins, 2008, p. 2248].

В условиях информационного дефицита, «слухи становятся публичными коммуникативными формами, которые отражают частные представления о том, как устроен мир» [Rosnow, 1988, p. 12]. За точность и надёжность отвечает повторяемость и устойчивость слухов в социальной среде. Если рассказанное, услышанное, подсмотренное передается из уст в уста, обрастает новыми подробностями, но при этом не теряет базового коммуникативного сообщения о некоторой проблеме, перед нами устойчивый слом социальных отношений. Слухи не исправляют его, а лишь коммуникативно, через иронию и насмешку позволяют компенсировать последствия и снизить неопределенность и конфликтность [Schachter, Burdick, 1955; Shibusani, 1966]. Смех, постепенное размывание адресата слуха и неточность, мифологизированность повествования делают речь безопасной для говорящих. Слух отличается от доноса, жалобы или сплетни отсутствием точного референта в реальности, невозможностью проверить подлинность рассказа. Это снимает социальную ответственность с рассказчика, позволяет прямо указывать на значимые проблемы и недоговоренности. И чем более опасна и напряжена социальная среда, тем более компактны и одновременно анонимны слухи. Знание, доступное всем, чаще всего точнее описывает происходящее, нежели конспирологические, добытые посредством оперативно-розыскных мероприятий сведения.

Место исследования

Бурибай — село Хайбуллинского района Башкортостана, расположен в 509 км. к юго-востоку от Уфы почти на самом юге республики. Практически в границах села ведутся разработки меди. Бурибаевский горно-обогатительный комбинат входит в Уральскую горно-металлургическую компанию и славится довольно приличным содержанием меди в добываемой руде. Изучая особенности социальной политики в отношении рабочих вредных производств, мы попали на столь далёкий, потерявшийся в уральских предгорьях медный рудник. Разговаривая с рабочими, заполняя стандартизированные анкеты, разработанные для оценки текущей ситуации, досрочного выхода на пенсию, здоровья и социального благополучия, невольно отвлекались от программных вопросов: слушали, записывали, смеялись. Нет ничего более благодатного для сбора слухов, нежели такая триада.

Предмет и метод

Наш интерес заключается в фиксации повторяющихся тематических повествований, рассказов, баек, анекдотов. Они — разнородны, разноплановы, размещены. Они возникают в ходе

стандартизированного интервью либо как нечто отвлеченное, либо как аргумент к выбранному варианту ответа; во время коротких обменов репликами на улице со случайными прохожими, обедов или ужинов в гостях — любых разговоров с местными жителями. Ральф Росноу подчеркивает принципиальную контекстуальность слухов, то есть важность того, кем, кому и при каких обстоятельствах был поведен тот или иной слух [Rosnow, 1988, p. 13-14]. Поэтому, собирая слухи, чрезвычайно важно не ограничивать себя какой-либо формой коммуникации, использовать все возможные способы общения, начиная от формальных и стандартизированных, заканчивая спонтанными и мимолетными. Воспроизведение слухов в различных контекстах подчеркивает их значимость для текущей ситуации и местности, позволяет нам говорить о некотором общем, социально разделяемом повседневном мире наших собеседников.

Нельзя упускать из виду, что, изучая процессы распространения неподтвержденных сведений по каналам неформального общения, мы имеем дело не с однонаправленной передачей данных от активных отправителей относительно пассивным отправителям, а с совместной коммуникативной деятельностью, направленной на осмысление актуальных проблем сообщества. Собеседники не занимаются при этом механическим пересказыванием услышанного ранее, но, напротив, обращаясь к жизненному опыту и аналитическим возможностям каждого, в ходе диалогического взаимодействия пытаются выстроить согласованную и совместно утвержденную версию хода событий. Так как итоги предшествующих обсуждений во многом определяют персональные трактовки происходящего, резонно возникает предположение, что не индивиды, взятые в отдельности, а, скорее, коммуникативные микрогруппы, объединяющие этих индивидов на время, необходимое и достаточное для интерпретации сведений и принятия решений, должны рассматриваться в качестве совокупных объектов слухообразования [Горбатов, 2010, с. 277].

Для различения слухов и домыслов от иных форм вербальных сообщений необходимо и достаточно выполнение трех критериев. Во-первых, повторяемость и воспроизводимость сообщений несколькими собеседниками с незначительными вариациями. Во-вторых, отсутствие жесткой привязки к прошлому, замена дат и имён на иносказательные высказывания (например, «было когда-то», «начальство, оно, такое», «приходят и никого не спрашивают» и тд.). В-третьих, нарративность и наличие некоторой фабулы, развития сюжета и заключения или вывода. Природа слуха заключается не в осмысленном введении собеседника в заблуждение, сокрытие каких-либо деталей или рациональной мифологизации происходящего. Простая детская игра «глухой телефон», когда одно сообщение передается шёпотом от одного игрока другому, хорошо иллюстрирует коммуникативную природу слухов. Г. Олпорт и Л. Постман экспериментально показали, что при последовательной серии устных пересказов теряется до 70% первоначальной информации [Allport, Postman, 1965]. Это объясняется тремя когнитивными особенностями человека в восприятии и передачи информации: (1) избирательностью внимания и акцентом на субъективно значимых представлениях, (2) ассимиляцией новой информации в систему уже имеющихся знаний, (3) замещением общими суждениями конкретных деталей рассказа [Goetz, 2016, p. 63]. Независимо от настроения и желания собеседников, в последовательных разговорах фактологическое описание постепенно теряет привязку к реальности.

Слухи рассказываются не для того, чтобы выяснить обстоятельства какого-то дела или узнать «правду» о происходящем. Граница между вымыслом и действительностью в слухах размыта [Rosnow, 1988, p. 14; Feyter, 2015, p. 291; Куликов, Кубякин, 2009, с. 100; Пацынко, 2007, с. 62]. Обнаружить слух в речи легко. Достаточно задать несколько уточняющих вопросов об обстоятельстве дела, конкретных персоналиях и событиях. Если

рассказчик начинает путаться, уходит от ответа, подменять его фразами о том, что «это всем известно», «всегда так было», — перед нами слух. Если же рассказанная история тут же начинает обраться конкретными фактами, рассказчик лишь маскирует под слух иной речевой акт (по Сёрлю), будь то жалоба, сплетня или донос. Поэтому слухи идеально подходят для вскрытия социального напряжения с минимальными угрозами, как для рассказчиков, так и героев рассказа. В нарративе слуха стёрты какие-либо детали повествования, изначально сохранена конфиденциальность и обезличенность предлагаемых описаний.

Наиболее близки к слухам по форме коммуникации сплетни. Многие исследователи подчеркивают неразличимость сплетен и слухов во многих контекстах, перетекания одной формы в другую [Spacks, 1993; Parsons, 1997; Handelmann, 1999]. Оппин Клапп обращает внимание на то, что сплетни отличает большая интимность и конкретность высказываний. Они требуют некоторой близости и доверительности между рассказчиком и слушателем, передаются в тесной, единой группе, зачастую относительно общих знакомых [Klapp, 1972, p. 221]. «Слухи могут распространяться среди чужаков, сплетни доступны только друзьям, родственникам и коллегам», — утверждает Мелани Гетц [Goetz, 2016, p. 63]. Само присутствие чужаков, которыми мы предстаем перед жителями посёлка, в некотором смысле, блокирует распространение сплетен или, как минимум, производит их коммуникативную трансформацию в слухи.

В отличие от иных форм фиксации нарративов, для передачи слухов отсутствует необходимость в точном воспроизведении лексики и стилистики рассказа. Мы стилизуем многоголосие под компактный, единый по композиции фрагмент, сами даём ему заголовок и помещаем в некоторый ряд слухов. Тем самым исследователь выступает непосредственным участником конструирования и протоколирования слухов, что еще раз подчеркивает отсутствие каких-либо прямых референций записанного с реалиями жизни в Бурибае. Всегда можно сослаться на то, что записанное — абсолютный вымысел, выдумка, побасенка. Причина такого решения — защита конфиденциальности наших собеседников. Любые обвинения во лжи, угрозы и возмущения могут быть обращены только к исследователям, которые посмели начать публичный разговор о слухах и домыслах большого села. Однако в такой выдумке структурно проявлены социальные сломы, коммуникативные напряжения, психологические конфликты и срывы. Чем более анонимен слух, чем экспрессивнее он рассказывается, интенсивнее передается, тем к большим социальным проблемам он отсылает. Поэтому исследователям важны не столько детали рассказа, сколько его цикличность и повторяемость в различных контекстах.

Теоретическая рамка

Несмотря на хорошую теоретическую разработанность социологии и этнографии слухов [Klapp, 1972; Shibutani, 1966; Coats, Fox, 2015], построение теоретического описания в этнографическом проекте производится постфактум, после набора и обработки полевого материала. Мы поступили схожим образом. Поэтому размещение концептуальных описаний в преддверии основного перечня сконструированных нарративов — ход скорее стилистический, нежели содержательный. Общая схема нам нужна лишь для того, чтобы организовать материал для последующего прочтения, сделать доступными для заинтересованного читателя базовые выводы, к которым мы приходили не только через логические сопоставления, но и эмоционально сопереживая насыщенным рассказам о жизни в Бурибае.

Вся совокупность слухов, произносимых и передаваемых жителями селения, может быть представлена в качестве некоторого тела, конфигурация которого отражает локальный контекст. В нашем случае подавляющее большинство слухов концентрировалось вокруг отношений с начальством, восприятия производственной власти и связанных с ними трудовых отношениях. Поэтому штрек, или горизонтальная выработка дискур-

сивного тела слухов, представляет ось разговоров о власти, методах принуждения и ответного приспособления. Вторая ось, квершлаг, или выработка вкрест основного пласта, задает разговоры о быте, казусах и опыте общения с чужаками, вроде нас, экологами или геологами (рис. 1).

Ядро дискурсивного тела слухов состоит из четырех историй, так или иначе повторяемых в любых контекстах: разговорах о наплыве приезжих из деревень, трудностях приема на работу, невозможности критики начальства и рассказах о карьере. Только последний слух касается погодных явлений, связываемых с карьером, остальные — напрямую связаны с недовольством и неприятием руководства, причем в любом его виде. Недоверие к власти дополняется и упоминаниями, указывающими на отсутствие солидарности среди рабочих: «Я могу что-то сказать, а потом молодые в бригаде сами и сдадут, им же тут жить и дальше работать, понять можно». Вместе с тем, самоограничение на упоминание каких-либо деталей происходящего отражает не только реалии жизненного мира говорящих, но и особенности разговора с незнакомцем. Подробный рассказ о проблемах скорее будет выполнен в жанре сплетен, а не слухов, что и приводит к уходу от разговора.

Кольцо базовых слухов, как правило, связывается с чужаками или же ситуациями, вырывающими участников из обыденной жизни. Периферийные слухи уже рассказываются некоторыми людьми, реже повторяются и составляют забавные, интересные истории, которые можно со смехом поведать неискующему в местной жизни человеку, но куда чаще они всплывают в своём кругу. Именно в отношении периферийных слухов исследователи говорят о чрезвычайной их близости сплетням (см., например: [Rosnow, 1988; Rosnow, Fine, 1976; Rosnow, Georoundi, 1985]). Опираясь на них в оценках текущей ситуации рискованно. Но детали и частный характер отдельных историй хорошо дополняет ядерный состав слухов, позволяет поместить их в контекст локального восприятия мира.

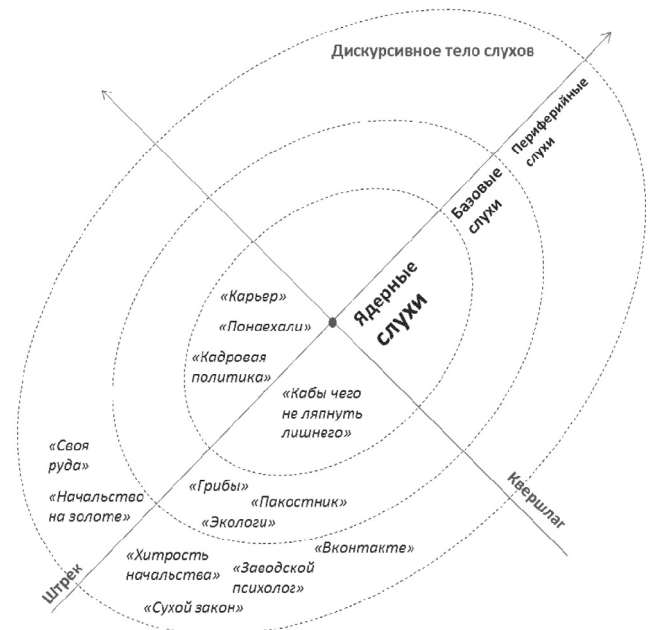
Слухи, домыслы, предубеждения

Речь без отсылок к окружающей действительности весьма подвижна и одновременно устойчива. Подвижность проявляется в вариативности рассказа, возможности вносить дополнительные детали, связанные с контекстом, в котором производится повествование, давать иные заключения и выводы. Устойчивость — в единообразии сюжетной линии, воспроизводстве одних и тех же структурных элементов рассказа (по Проппу). Такая дуальность позволяет рассматривать слухи, домыслы и предубеждения как наиболее пластичный материал, отображающий социальную реальность, совмещающий индивидуальную перспективу и публичный дискурс.

Помимо содержательных аспектов, процесс передачи некоторой информации посредством слухов обладает эстетическими свойствами нарратива. Умение рассказчика коротко отразить особенность каково-либо события, упаковать его в формат «былинной» речи может приводить к возникновению переноса «упрямой серьезности разговора» в формат шутки, иронии, усмешки. Ответный, разделяемый всеми участниками разговора, смех — один из самых мощных терапевтических эффектов слухов. Чем больше наблюдается иронии в рассказе, тем значительнее трансформируется дискурсивное тело слухов (см. рис. 1), сокращается доминантный штрик неприятия и критики начальства.

Итак, ниже представлены стилизованные под лубок, псевдо-литературную речь слухи. Рассмотрение и работа с ними возможна как в структурной пропповской традиции выделения базовых элементов, так и эстетической — в целостном восприятии повествования. Пополнение и систематизация каталога слухов есть прямая задача информационного мониторинга социальной среды. Однако следует помнить о двух рисках, сопровождающих увлечение подобным жанром, трансформирующим устную речь под стилизованное народное предание. Во-первых,

Рис. 1. Схема выработки слухов

примитивизация высказываний, дополнительное выхолащивание каких-либо референтов к реальности приводит к утере какой-либо просветительской миссии текста, приводит не к налаживанию коммуникации между разными слоями общества, а создает лубочное представление о народе, конституирует вымысел, присваивая фактологический статус слухам. Во-вторых, создание лубка оправдано лишь в ироническом ключе. Если писать и относиться серьёзно к фиксации слухов, не долго стигматизировать достаточно подвижное общественное мнение, приписать ему несвойственные характеристики, тем самым, усилив негативные настроения. Другими словами, если представленные ниже слухи читаются без улыбки и вызывают желание принять меры, отдать поручение, разобраться с ситуацией, нашу задачу продуктивной работы со слухами можно считать проваленной.

Вконтакте

Давно в Бурибай пришёл интернет, а с ним и порядок новый. На улицу народ реже стал выглядывать, лавки у подъездов пылью покрылись. Бурибаевцы по домам, в интернетах сидят. Больше всего полюбилась жителям социальная сеть «ВКонтакте», даже группа поселковая появилась «Подслушано Бурибай». Анонимность гарантируется, личность администратора неведома. Только ни сплетен, ни вольностей никто там себе не позволяет: перечитывают каждое слово, прежде чем нажать «отправить». Сколько раз уж было, напишешь что лишнее, про начальство комбината или сельсовет, вмиг от начальника цеха по шапке схлопочешь, а то и премии лишат. Потому и подумывают, что комбинат организовал группу, чтобы руку на пульсе держать, да длинные языки обрезать.

Грибы

Все знают, нашёл гриб — ищи другой. У хорошей грибницы одиноких торчков не бывает. Приходит на комбинат, в цех или смену начальник, его грибом кличут. Пока всех родственников не устроит, друзей не подберёт, не успокоится. Против закона природы не погрёшь. У каждого гриба — своя грибница.

Заводской психолог

Раньше шахтёры о психологии слыхом не слыхивали. Разве что ребёнок принесёт слово со школы или жена в журнале каком вычитает. А тут объявилась баба, пышная, боевая. Обязали к ней заходить на собеседование при оформлении любого больничного: будь то производственная травма или банальная простуда. Даже здоровые мужики перед её кабинетом переминаются с ноги на ногу, робеют. Она вся в золоте, перстни огромные, серьги — ушей не видать. Никаких вопросов не задает, а только откроешь дверь — в крик: «Какой больничный?! Ты чё, ваще охренел?!»

Здоровый мужик, водки на ночь выпей, в одеяло завернись, все к утру пройдет!». Количество больничных при ней снизилось. Любит начальство таких.

Кабы чего не ляпнуть

Рассказов о невзгодах, учиняемых нерадивым начальством, хватает в избытке в Бурибае, но все они сопровождаются послесловием, высказанным с хрипотцой, переходом на шёпот или крик, в зависимости от темперамента и эмоционального настроения собеседника. «Вы что же, хотите, чтобы у меня семья по миру пошла? Скажи вам тут что-то, а завтра уже и трудовая на руках. Одно слово — и ты за воротами комбината». И никакие уверения в конфиденциальности не действуют. Махнут рукой и пойдут прочь. Рассказывают, что раньше регулярно правдолюбывозникали. Письма самому Президенту Республики писали, но в итоге теперь даже пустых щей в миске не хлебуют. Свои же и пшикают, не здороваются. Наговорит такой с три короба, а потом коллективу расхлебывай, увёртывайся от начальственного гнева. Ведь куда не напиши, поручения по цепочке к твоему непосредственному начальнику, на которого писал, в итоге и спустятся. А болтунов нигде не любят. Нет от них ни пользы, ни проку — один разлад. Потому кивают, улыбаются, да руками разводят бурибасцы, когда речь заходит об отношениях с начальством. Кабы чего не ляпнуть лишнего.

Кадровая политика

Года три-четыре назад хреново на ГОКе с деньгами было: и платили мало, и задерживали. Народ увольняться начал, на севера поехали, хоть чем-то семью кормить. А тут, казалось бы, в самый кризис в 2016 году, вроде все выправилось: и денежку стали платить, и дома можно жить. Но сунулись работяги назад — им от ворот поворот. Вот если бы пьяницей был и за прогулы увольняли, то примут без проблем, но коли сам ушёл в трудные для комбината времена, значит получил клеймо на всю жизнь — не возьмут. И ходят ребятки регулярно на встречи к начальнику шахты. Он речь двинет об успехах, как в добрые советские времена, а закончит ожидаемым: «Ждите». И чего делать? Ждем. Ходим, пьём и ждём.

Карьер

В Бурибае всегда сухо. В Садовом, Акъяре, Макане, Степном дожди идут, у нас — хоть бы хны. На горизонте черно, вздохнёшь с облегчением, но не тут-то было. Как до села доходят тучи, расщепляются и льют на соседние деревни. Всему виной карьер — отгоняет. От этого ничего не растёт, всё сохнет на огородах. Приехали как-то в Бурибай умники из Уфы. Говорят, чтобы тучи притягивать, следует карьер заполнить водой. Затопили. Но толку как не было, так и нет. Идут тучи стороной. Карьер всему виной.

Начальство на золоте

Раньше много золота находили в отвалах. Теперь то ли народ разленился, измелечал, то ли жёлтый металл перевелся. Однако не все так просто. Ушлые японцы пронюхали про это и предложили, что карьер высушат, вычистят, а что найдут под ним, их будет. Наши-то поначалу обрадовались, может дожди начнут приходиться в село. Но потом почесало начальство репу и отказались. Неспроста это, видно под карьером немало золота схоронено. Вот руки только ни у кого не дойдут, только начальство на золоте сидит и в ус не дует.

Пакостник

Народ в Бурибае молчаливый, вдумчивый. Но на каждую старуху бывает проруха. Есть одна семья, лет под пятьдесят им. Жена работящая, на фабрике работает. Красавица. Дурного слова о ней никто не скажет. А мужик, чуть что — жалуется, кляузы пишет во все инстанции. Уже столько бумаг отправил — не счастье. На улице газовые трубы чуть покосились — написал. Исправили. Зарплату чуть задержали — написал. Выплатили. Начальству это надоело, уволили, в конце концов. Так он и тут не успокоился. Прознал где-то, что рабочих на 12-часовой график перевели, вновь написал, мол права нарушают. Тут уже работяги вскипели. Какого рожна лезет не в своё дело! Пакостник, одним словом. Так его и зовут на селе.

Понаехали

Остановись, спроси коренного бурибасца — как дела, и он ответит — хреново. Потому как своих, бурибасцев, на работу не берут. Их по пальцам одной руки можно сосчитать, сколько на шахте осталось. Все подались на севера. Как-то семью кормить надо, вот и не живут дома месяцами. А берут колхозников с лесов. Всех уже перевезли в Бурибай. Они возмущаться не будут, на все согласны. Им и денег особо не надо, сколько дадут, тем и рады. Приехал как-то глава Администрации из Акъяра, так говорит: «Я из Бурибая аул сделаю, будет моя деревня». Получается, раньше Бурибай поселком городского типа был, теперь село, глядишь, через несколько лет деревней станем.

Своя руда

Как-то диспетчер говорит: «Везите руду в другое место, вываливайте у дороги, километров в пяти от поселка, начальник шахты приказал!» Народ и повез на БелАЗах, как подобает. Тонну где-то перевезли. Через какое-то время по шахте недостача. Начальство рвёт и мечет. Тут объявляется начальник шахты и говорит: «У вас не хватает тонны руды, но у меня есть своя, только вы мне должны отработать». Так получается мужики сами себе недостачу сначала сделали, а потом и отработали.

Сухой закон

Раньше хорошо было на Комбинате: все пили и всё работало! Налажен как-то так процесс был. Проходчик в шахту спускался, из чарки хлебал и давай молотком орудовать. Бывало даже до того упивались, что там же, рядом с молотками, и засыпали. А если кого и ловили, так пожурят, внушение сделают и домой — на отсыпной. До увольнения не доходило. Да и куда там, когда даже сам начальник шахты в свою рабочую бытность без чарки под землю не спускался. Эх, были же времена! А сейчас каждый понедельник к стенам Комбината по 90 человек сбредается — на работу просят. Да и начальник шахты после повышения вдруг быстренько пить-то бросил и давай работяг за пьянку увольнять. И ходят наши шахтеры угрюмые и трезвые — по 12 часов в смене. Работу-то нынче никому не охота терять.

Хитрость начальства

В ГОКе начальство долго не задерживается. Почему уходят и приходят — никто не знает. На верху видней. Но какое не придет, всё хитрее и хитрее становится. Давно уже построили что-то вроде постоянного двора, еду готовят домашнюю, привечают гостей. Но это до поры, до времени. Как что не так пойдёт, сразу выселяют, под предлогом гостей новых или мероприятий. И мыкаются тогда приезжие по квартирам съёмным, на полу спят, мучаются. Особенно экологам достаётся. Один так и затерялся в селе. Иногда на карьере его встречают. Как тень стал: в коростах, руки в рубцах, глаза выцвели, бормочет что-то под нос, одним словом, пропал человек. А начальство и в ус не дует.

Экологи

Бурибай — место паломничества экологов. Каждый год пачками приезжают, с дозиметрами везде ползают, замеряют, вынохивают. А чего замерять? В Бурибае из каждой щели фонит так, что стрелка у хорошего дозиметра дыбом встанет, но хороших-то -днем с огнём не сыщешь. Везде контрафакт. У нас на отвалах вся таблица Менделеева, в том числе и полный радиоактивный набор. Японцы из Самсунга как-то захотели всё разом скупить. Приехали, пошли смотреть на отвалы, так у них такие приборы показали, что рванули из Бурибая, их никто больше и не видел. Даже на фабрику не заехали попрощаться. А экологи, они же дурные, им любая радиация в радость.

Управление слухами

Гордон Олпорт и Лео Постман в конце 1940-х сформулировали «Основной закон слухов», указывающий, что количество циркулирующих в сообществе слухов напрямую связано с важностью обсуждаемых тем и неопределённостью будущего для говорящих и слушающих [Allport, Postman, 1947, p. 4]. Опираясь, по большей части, на социологическую интерпретацию слухов как защитного механизма для преодоления страхов и опасений перед неопределённостью, представленную Шибутани [Shibutani,

1966] и работы Г. Олпорта и Л. Постмана, выполненные в области социальной психологии [Allport, Postman, 1947, 1965], Ральф Росноу выделяет четыре базовых условия, позволяющих объяснить циркуляцию слухов: страх, неопределенность, доверчивость и повествовательность (рис. 2).

Доверие к слухам, подкрепляемое гладкостью и правдоподобностью их изложения (повествовательность), создает основу для роста субъективной неудовлетворенности и социальной напряженности в обществе [Rosnow, Fine, 1976; Rosnow, Yost, Esposito, 1986]. Когда все четыре условия выполняются, слухи могут стать основой для социального взрыва, последствия которого непредсказуемы. Позднее Ральф Росноу, опираясь на результаты эмпирических проектов, выполненных в единой концептуальной рамке [Anthony, 1973; Jaeger, Anthony, Rosnow, 1980; Rosnow, Yost, Esposito, 1986; Rosnow, Esposito, Gibney, 1988; Walker, Becherle, 1987], незначительно изменил теоретическую схему, выделив в качестве основных независимых переменных неопределенность, индивидуальную тревогу, вовлеченность и доверие [Rosnow, 1991, p. 485-488]. Предложенную Р. Росноу концептуализацию можно по праву считать одной из наиболее воспринятых в академическом сообществе.

Алан Киммел и Анна-Франсуаза Одрейн-Понтевиа адаптировали теоретическую схему Р. Росноу для последующей операционализации и проведения количественного исследования [Kimmel, Audrain-Pontevia, 2010, p. 246-249]. В качестве зависимой переменной они взяли включенность в воспроизводство и передачу слухов. В качестве независимых — выбрали три базовых (неопределенность, тревогу и вовлеченность) и одну сопутствующую — наличие доверия слухам (рис. 3).

В результате им удалось получить количественные оценки циркуляции коммерческих слухов, обнаружив устойчивый и весьма насыщенный неформальный информационный обмен среди заинтересованных сторон компаний: от акционеров до рядовых работников. Основным фактором для распространения слухов в их исследовании в очередной раз стал страх перед неопределенностью будущего, который полностью детерминировал интенсивность обмена слухами среди персонала компаний.

Судя по разговорам бурибаевцев, основные страхи и неопределенность в их жизни связываются со сферой занятости, непонятностью, невидимостью действий и решений руководства шахты, фабрики и ГОКа в целом. К сожалению, муниципальную власть жители села не воспринимают всерьез, относя её в разряд полностью подчиненной и детерминированной решениями руководства ГОКа. Именно тревога перед ближайшим будущим подталкивает их к описанию ситуации через слухи и домыслы. Этому способствует то, что работающее население Бурибая исключено из сферы принятия решений, что и отражается в компенсаторном творчестве по производству и распространению слухов. Наблюдение за последними может стать надежным инструментом для диагностики и последующего снижения социальных рисков и формирования политики устойчивого развития.

Распространение слухов в малом сообществе или на предприятии указывает, прежде всего, на недостатки работы руководства по сбору и согласованию мнений различных заинтересованных сторон и выработке эффективной социальной политики [Kapferer 1990; Kimmel 2004, Kimmel, Audrain-Pontevia, 2010; Koenig 1985]. Вместо того, чтобы управлять слухами, формировать их дискурсивное тело, сжимая штрек, направленный на критику начальства и текущего управления, расширяя квершлаг забавных и бытовых историй, руководство закрывает глаза на происходящее, занимает позицию невмешательства, поддерживая тем самым угрозу не только роста производствен-

Рис. 2. Условия производства и распространения слухов по Ральфу Росноу [Rosnow, 1988, p. 15-17, 19-20]

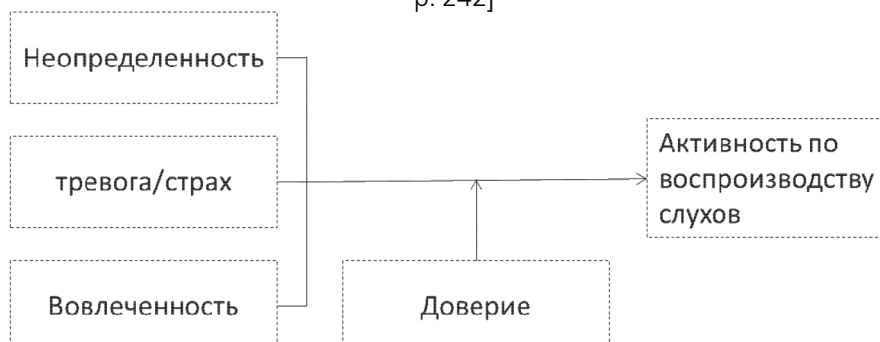

ной неэффективности, но расширения социальной напряженности и протестных настроений:

Во время неопределенности и кризиса люди расположены прислушиваться к чужим мнениям, обсуждать со знакомыми личные взгляды и оценивать слухи. Такая информация может влиять на убеждения и даже действия граждан. Коммуникация, в которой поднимаются публичные темы, может значимым образом повлиять на результаты коллективных действий [Chen, Lu, Suen, 2016, p. 90].

Одним из действенных решений в сложившейся ситуации может быть разработка и реализация плана вовлеченности заинтересованных лиц в принятие управленческих решений, как на уровне предприятия, так и муниципалитета. Базовые принципы вовлеченности заинтересованных лиц изложены в международном стандарте устойчивого развития [GRI G4, 2013]. Ведущей международной организацией, разрабатывающей стандарты такого рода активности, является международное некоммерческое объединение «AccountAbility», аккредитованное в Великобритании с филиалами в Нью-Йорке, Цюрихе, Дубае и Эр-Рияде. В 2015 году принят базовый стандарт вовлеченности заинтересованных лиц, основанный на трех принципах: (1) инклюзивности, или возможности людям выражать свое мнение по затрагивающим их решениям; (2) материальности, или точной идентификации процессов и решений, имеющих значение для заинтересованных лиц; (3) ответственности, или открытости организации в процедурах и процессах управленческих решений, затрагивающих работников и членов их семей [AA1000SES, 2015]. В стандарте подробно описываются процедуры и практики преодоления отчужденности населения и включение их в управленческие процессы. В настоящий момент в Бурибае огромный пласт рабочих, чьи интересы и жизнь непосредственно связаны с принимаемыми руководством комбината реше-

Рис. 3. Модель переменных, связанных с воспроизводством слухов, по Ральфу Росноу [Rosnow, 1991; рис. по: Kimmel, Audrain-Pontevia, 2010, p. 242]

ниями, полностью исключены из управленческих процедур. Принимаемые решения не прозрачны, показатели экономического, экологического и социального состояний предприятия и села не публичны, что приводит к росту чувства неопределенности, неудовлетворенности и страха, сковывает инициативность и приводит к падению субъективного благополучия. Объемность и распространенность слухов — лишь косвенный признак накопленной социальной неудовлетворенности и напряженности рабочих горно-обогатительного комбината. Поэтому со слухами не следует бороться, изначально приравнивая к недостоверной информации, как призывают недальновидные авторы [Кривошеина, Порошина, 2016]. Необходимо тщательно изучать, регистрировать слухи и управлять их распространением.

За многие десятилетия исследователями накоплен большой багаж практических рекомендаций по эффективному управлению слухами. Давид Дюбуа, Дерек Рукер и Закарий Тормала предлагают активно работать с определенностью и неопределенностью ситуации, проблематизируя чувство уверенности у сотрудников, сталкивающихся со слухами [Dubois, Rucker, Tormala, 2011, p. 1030]. Они утверждают, что простые вопросы об уверенности в получаемой или передаваемой другими информации позволяют существенным образом снизить негативные эффекты от передачи нежелательных слухов. Опираясь на серию экспериментальных планов, Д. Дюбуа с коллегами сформулировали коммуникативную максиму по управлению слухами. Если вместе с рассказом будет транслироваться и оценка (не)уверенности в нём, это ослабляет воздействие слуха на воспринимающее лицо и нивелирует негативные последствия на убеждения и последующие действия. Задача менеджмента состоит в том, чтобы сформировать привычку критического восприятия слухов внутри компании, среди отдельных коммуникативных групп. В результате, подвергнутые сомнению слухи теряют деструктивные свойства.

Мелани Гетц предлагает пять управленческих решений [Goetz, 2016, p. 64-65]. Во-первых, практика непрерывного общения, реализуемая не только в привычных для менеджмента форматах совещаний и формальных встреч, но в частных разговорах вне кабинета. Важнейшее условие такого общения — документирование и описание разговоров, которые затем переводятся в публичное пространство. Во-вторых, мониторинг источников распространения слухов: начиная от социальных медиа (см., например: [Kwon, Bang, Egnoto, et al., 2016; Zhao, Yin, Song, 2016; Zubiaga, Liakata, Procter, et al., 2016]), заканчивая частными доверительными беседами, уличными разговорами, застольными рассказами. Здесь важно соблюдать процедуры регистрации, защищающие персональные данные. Подобный мониторинг ни в коем случае не должен развиваться в режиме оперативно-следственных мероприятий или журналистского расследования. Задача — сбор этнографического материала, современного сельского и производственного фольклора, а не выявление и отслеживание его носителей. В-третьих, разработка политики транспарентности местной власти, выделение ресурсов, направленных на раскрытие информации и донесения её до всех заинтересованных лиц. Кроме официальных каналов следует пользоваться самими слухами. Многочисленные социальные эксперименты западных психологов указывают на молниеносность распространения новостей, подражающих слухам (неопределенность и потенциальная опасность). В-четвёртых, взаимодействие с противоборствующими сторонами, создание коммуникативных площадок для бытования антагонистических дискурсов в одном стилистическом пространстве. В-пятых, выбор языка описания, характерного для низших социальных классов, отказ от экспертной позиции и бюрократического изложения ситуации («содействие и развитие инициатив граждан», «гражданский контроль за социальной обстановкой» и т.д.). Управление слухами должно проводиться на языке понимаемом, принимаемом и транслируемом всеми заинтересованными сторонами. Образованным людям и специалистам легче и быстрее отказаться от привычной терминологии, чем работягам выучить и привык-

нуть её использовать. Языковое давление властного дискурса — одна из причин возникновения слухов и сплетен, подрывающих социальный порядок.

Проведенная этнографическая экспертиза слухов, при правильном управленческом подходе, должна быть трансформирована в регулярный мониторинг слухов, домыслов и сплетен. Следует не избавляться или проявлять насилие по искоренению слухов (тревога, напротив, приводит к их увеличению), а наблюдать, трансформировать и вводить в публичную сферу села альтернативные информационные сообщения, создавая открытую полифонию конкурирующих мнений. Изучая советскую идентичность сталинского времени, Тимоти Джонстон обращает особое внимание на «серые зоны» действительности (чёрный рынок, встречи с иностранцами, сексуальные отношения), которые выступают благодатной почвой для возникновения и распространения слухов [Johnston, 2011; цит. по: Tikhomirov, 2015, p. 778]. Мы видим, что «серую зону» Бурибая в настоящий момент составляет кадровый вопрос, управление персоналом и растущее социальное расслоение села. Пока руководство комбината воспринимается как внешняя, занятая исключительно собой группа людей. Первоочередная задача управленцев, нацеленных на устойчивое развитие предприятия и региона — сформировать общественное мнение о ложности таких убеждений, дать поводы для сомнений в коррумпированности местной власти и стяжательстве производственного начальства. Основной механизм для этого — открытая информационная политика с организацией дискурсивных пространств для возможности высказывания позиций всеми без исключения группами населения. Пока власть воспринимается работниками Бурибаевского ГОКа лишь как весьма односторонний участник коммуникации: ей можно либо жаловаться, либо ожидать наказания или поощрения. Вместе с тем, власть может вести диалог не только с позиции силы. И поверить в это, в первую очередь, должна сама власть.

С чего начать?

В Бурибае есть административная муниципальная власть, исполняющая поручения и худо-бедно закрывающая текущие проблемы с разбитыми дорогами, зарастающим бурьяном кладбищем и зарастающей свалкой. Мусор селяне по большей части сжигают самостоятельно или отвозят на свалку, дороги успешно разбивают личными автомобилями, а на кладбище навдываются лишь по праздникам и поминальным дням. На Бурибаевском ГОКе есть сложившаяся годами структура управления производством, которая нацелена на снижение издержек, оптимизацию рабочих графиков, сокращение простоев и времени на ремонтные работы. Ни шахта, ни фабрика не испытывает недостатка в спросе на рабочие места. Жители окрестных деревень с энтузиазмом берутся за работу, не перестают проситься и местные.

Вместе с тем, мы разговариваем с жителями и не слышим ничего, чем бы они гордились в своем селе, что интересно и значимое проходило за последний год. Нам не рассказывают ни о людях, ни об их делах. Слухи анонимны, в них нет персоналий. Лишь изредка всплывают герои прошлых лет. В настоящем нет ничего яркого, запоминающегося, достойного для рассказа незнакомцу. В Бурибае есть административная и деловая власть, нет лишь политики, социальной, направленной на согласование интересов, на поддержку местных инициатив. В такой ситуации за что не возьмись, кругом проблемы, нехватка денежных средств, времени, инициативности. Потому начинать с дел нельзя, противопоставлено. Прежде следует решить три информационных задачи.

Во-первых, определиться с ключевым лицом, заинтересованным в переменах. Его нельзя назначить сверху, он должен быть отобран, а его интерес согласован с общим интересом развития села, возможно, района. Что сделали текущие руководители помимо исполнения поручений и заполнения бумаг? Какие дела вспомнят сельчане? За что и сколько человек поблагодарят? Чем могут гордиться руководители? Ревизия деятельности, амби-

ций и планов — первоочередная задача формирования политического лица.

Во-вторых, следует сформировать основу для мониторинга слухов, информационную базу, не формальную как того требует Росстат, а потребную для принятия политических решений. Нужны списки всех жителей в разрезе различных целевых групп: работающих и безработных, домохозяйек, мамочек с детьми, одиноких, стариков и т.д. Но главное, нужны списки заинтересованных в развитии села сторон, не просящих, а предлагающих, имеющих планы и амбиции сделать что-то важное и значимое для родного села.

Не нужно придумывать задачи за людей. Нормально, когда человек заботится о родственниках и по возможности устраивает их там, где работает сам; нормально, когда помогает землякам обустроиться на новом месте; нормально, когда несёт в дом и семью предметы, созданные своими руками, нормально, когда вместо застольных посиделок, подрабатывает извозом или иным промыслом. Не нормально, когда такая деятельность уходит в тень, когда правила требуют публичного отказа от родственных и дружеских связей, с их одновременным интенсивным теневым поддержанием. Поэтому, в-третьих, нужно узнать, что хотят люди. Не просят, не берут на всякий случай как дополнительную льготу или дотацию, а чего хотят, о чём мечтают. Если уже не мечтают, о чем мечтали год, два, десять назад, когда еще ощущали себя живыми, деятельными, способными сделать что-то нужное для себя и других.

Все три задачи не связаны с политической деятельностью. Они определяют информационный фон для последней. Чтобы начать видеть перспективу, необходимо настроить оптику, которая позволит увидеть деятелей происходящего, людей, с их амбициями, устремлениями и мечтами. Как горная выработка начинается с проектных чертежей, разбивочных и геодезических работ, так и социальная политика начинается с мечты, а не со сбора жалоб, поиска финансирования и ожиданий поступающих сверху распоряжений.

Литература

1. AA1000 Stakeholder Engagement Standard (AA1000SES 2015) / AccountAbility. London, New York, Zurich, Dubai, Riyadh, 2015.
2. Allport, G.W., Postman, L. An analysis of rumor // *Public Opinion Quarterly*. 1947. Vol. 10. P. 501-517.
3. Allport, G.W., Postman, L.J. *The psychology of rumor*. New York: Russell & Russell, 1965.
4. Anthony, S. Anxiety and rumor // *Journal of Social Psychology*. 1973. Vol. 89. P. 91-98.
5. Backner, H.T. A theory of rumor transmission // *Public Opinion Quarterly*. 1965. Vol. 29. No. 1. P. 54-70.
6. Chen, H., Lu, Y.K., Suen, W. The power of whispers: A theory of rumor, communication, and revolution // *International Economic Review*. 2016. Vol. 57. No. 1. P. 89-116.
7. Coast, D., Fox, J. Rumour and politics // *History Compass*. 2015. Vol. 13. No. 5. P. 222-234.
8. Dodd, S.C. Formulas for spreading opinions // *Public Opinion Quarterly*. 1958. Vol. 22. No. 4. P. 537-554.
9. Dodd, S.C. Testing message diffusion from person to person // *Public Opinion Quarterly*. 1952. Vol. 16. No. 2. P. 247-262.
10. Dubois, D., Rucker, D.D., Tormala, Z.L. From rumors to facts, and facts to rumors: The role of certainty decay in consumer communications // *Journal of Marketing Research*. 2011. Vol. 48. No. 6. P. 1020-1032.
11. Einwiller, S.A., Kamins, M.A. Rumor has it: The moderating effect of identification on rumor impact and the effectiveness of rumor refutation // *Journal of Applied Social Psychology*. 2008. Vol. 38. No. 9. P. 2248-2272.
12. Feyter de, S. 'They are like crocodiles under water': Rumour in a slum upgrading project in Nairobi, Kenya // *Journal of Eastern African Studies*. 2015. Vol. 9. No. 2. P. 289-306.
13. Goetz, M.K. Secret, rumors, and the cost-effectiveness of truth // *Journal American Water Works Association*. 2016. Vol. 108. No. 4. P. 62-66.
14. GRI G4 Sustainability Reporting Guidelines. Stakeholder Engagement G4-24, 25, 26, 27 / Global Reporting Initiative. Amsterdam, 2013.
15. Handelmann, D. *Gossip in encounters*. New York, 1999.
16. Jaeger, M.E., Anthony, S., Rosnow, R.L. Who hears what from whom and with what effect: A study of rumor // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1980. Vol. 6. P. 473-478.
17. Johnston, T. Being soviet: Identity, rumour, and everyday life under Stalin 1939-1953. Oxford: Oxford University Press, 2011.
18. Kapferer, J.N. A mass poisoning rumor in Europe // *Public Opinion Quarterly*. 1989. Vol. 53. No. 4. P. 467-481.
19. Kapferer, J.N. *Rumors: Uses, interpretations, and images*. New Brunswick, NJ: Transaction, 1990.
20. Kimmel, A.J. *Rumors and rumor control: A manager's guide to understanding and combating rumors*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.
21. Kimmel, A.J., Audrain-Pontevia, A.-F. Analysis of commercial rumors from the perspective of marketing managers: Rumor prevalence, effects, and control tactics // *Journal of Marketing Communication*. 2010. Vol. 16. No. 4. P. 239-253.
22. Klapp, O.E. *Current of unrest: An introduction to collective behavior*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972.
23. Knapp, R.H. *A psychology of rumor* // *Public Opinion Quarterly*. 1944. Vol. 8. P. 22-27.
24. Koenig, F. *Rumor in the marketplace: The social psychology of commercial hearsay*. Dover, MA: Auburn House, 1985.
25. Kwon, K.H., Bang, C.C., Egnoto, M., et al. Social media rumors as improvised public opinion: Semantic network analyses of twitter discourses during Korean saber rattling 2013 // *Asian Journal of Communication*. 2016. Vol. 26. No. 3. P. 201-222.
26. Parsons, E.C. *Town gossip*. Chicago: Chicago University Press, 1997.
27. Rosnow, R.L. Rumor as communication: A contextualist approach // *Journal of Communication*. 1988. Vol. 38. No. 1. P. 12-28.
28. Rosnow, R.L., Yost, J.H., Esposito, J.L. Belief in rumor and likelihood of rumor transmission // *Language and Communication*. 1986. Vol. 6. P. 189-194.
29. Rosnow, R.L. Inside rumor — A personal journey // *American Psychologist*. 1991. Vol. 46. No. 5. P. 484-496.
30. Rosnow, R.L., Esposito, J.L., Gibney, L. Factors influencing rumor spreading: Replication and extension // *Language and Communication*. 1988. Vol. 8. P. 29-42.
31. Rosnow, R.L., Fine, G.A. *Rumor and gossip: The social psychology of hearsay*. Oxford: Elsevier, 1976.
32. Rosnow, R.L., Georgoudi, M. Killed by idle gossip: The psychology of small talk // *When information counts: Granting the media* / Ed. by B. Rubin. Lexington, MA: D.C. Heath, 1985.
33. Schachter, S., Burdick, H. A field experiment on rumor transmission and distortion // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1955. Vol. 50. P. 363-371.
34. Shibutani, T. *Improved news: A sociological study of rumor*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.
35. Spacks, P.M. *Gossip*. New York: Knopf, 1985.
36. Tikhomirov, A. [Rev.] Johnston, T. Being soviet: Identity, rumour, and everyday life under Stalin 1939-1953. Oxford: Oxford University Press, 2011 // *The Slavonic and East European Review*. 2015. Vol. 93. No. 4. P. 778-780.
37. Walker, C.J., Beckerle, C.A. The effect of anxiety on rumor transmission // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1987. Vol. 2. P. 353-360.
38. Zhao, L., Yin, J., Song, Y. An exploration of rumor combating behavior on social media in the context of social crises // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 58. P. 25-36.
39. Zubiaga, A., Liakata, M., Procter, R., et al. Analyzing how people orient to and spread rumours in social media by looking at conversational threads // *Plos One*. 2016. Vol. 11. No. 3.
40. Горбатов, Д.С. Коммуникативно-ролевой подход к проблеме противодействия слухам // *Наука и современность*. 2010. № 4-1. С. 276-280.
41. Горбатов, Д.С. Микрогрупповой анализ факторов распространения слухов // *Психологический журнал*. 2010. Т. 31. № 5. С. 30-38.
42. Горбатов, Д.С. *Психология слухов и сплетен*. СПб.: Речь, 2012.
43. Горбатов, Д.С. *Функции слухов в социальной среде // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*. 2014. № 1. С. 17-22.
44. Горбатов, Д.С., Большаков, С.Н. *Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы // Социологические исследования*. 2015. № 7. С. 98-107.
45. Караяни, А.Г. *Слухи как средство информационно-психологического воздействия // Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 6. С. 47-54.
46. Кривошеева, Н.И., Порошина, Т.В. *Слухи и экспертные оценки как управленческие инструменты легитимации власти в пространстве публичной политики России // Инновационная наука*. 2016. №1-3. С. 187-189.
47. Куликов, Е.М., Кубякин, Е.О. *Конфликтотенный потенциал слухов (на примере слухов о банковском кризисе в октябре 2008 г.) // Конфликтология*. 2009. № 3. С. 97-101.
48. Пацынко, С.В. *Влияние слухов и СМИ на предпочтение электората (к вопросу об информационном образовании граждан) // Социология образования*. 2007. № 2. С. 60-66.
49. Щенников, О.Н., Бутина, А.В. *Психологические аспекты процесса передачи слухов // Известия Алтайского государственного ун-та*. 2008. № 2. С. 26-28.